

УДК 316.3:572
DOI 10.17223/19988613/38/20

П.А. Кошкарёва

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ КАЗАКОМ?»: КАЗАЧЬЯ СМЕНА НА ФОРУМЕ «СЕЛИГЕР» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ ИРВИНГА ГОФМАНА

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается современное казачество с точки зрения социальной драматургии Ирвинга Гофмана. Иллюстративным кейсом выступает казачья смена на форуме «Селигер», участие в которой принимал автор летом 2014 г., используя методы включенного наблюдения и биографического интервью. Ключевой аналитической категорией выступает «исполнение». «Исполняя» казачество для других, для самих себя у казаков нет однозначных представлений о границах своего сообщества. Поэтому важным является вопрос аутентичности – вопрос об «истинном казаке». В заключение делается вывод о двух тенденциях в дискурсе о казачестве: навязываемая сверху «мь»-идентичность, которая «исполняется» на публике, и конструирование мь-идентичности «на местах» внутри сообщества и на уровне каждого отдельного члена.

Ключевые слова: казаки; социальная драматургия; исполнение; идентичность.

Американский социолог, представитель символического интеракционизма Ирвинг Гофман предложил теорию, вошедшую в историю науки под названием «социальная драматургия». Ее главной метафорой является метафора театра, а социальный мир выступает в ней как своеобразные театральные подмостки. Опираясь на анализ социологии И. Гофмана, данный Виктором Вахштайном в журнале СОЦИС еще в 2003 г., отметим, что «общество» рассматривается как совокупность «исполнений» (performances) и «интеракций», как фундамент социальной организации. Интеракция у Гофмана – это взаимодействие небольшого числа людей в обстоятельствах соприсутствия. Далее процитируем В. Вахштайна: «Драматургическая перспектива – пишет Гофман, – предлагает описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном социальном образовании, основных проблем управления впечатлениями в нем, критериев идентификации отдельных исполнительских команд, действующих в пределах такого образования и взаимоотношений между ними» [1. С. 285–286]. В центре внимания социальной драматургии Гофмана оказывается непосредственная «доступность взгляду» [2. С. 105].

Настоящая статья рассматривает современное казачество (в частности, иллюстративным кейсом выступит казачья смена на форуме «Селигер») с точки зрения социальной драматургии. Ключевой аналитической категорией, которую дает И. Гофман в работе «Представление себя другими в повседневной жизни», выступит «исполнение» (или «выступление»).

Казачья смена на форуме «Селигер» (время проведения – июль 2014 г.) и была той площадкой, на которой происходило «исполнение». Еще раз сошлемся на И. Гофмана и определим исполнение, как «все проявления деятельности данного участника в данном эпизоде, которые любым образом влияют на любых других участников взаимодействия» [1. С. 43]. Исполнение, в свою очередь, концептуализировало «сообщество» при помощи

конкретных моментов театрального действия, игры и опыта, в рамках которых «сообщество» возникает в первую очередь как перформативный результат сложных случаев театрализованного (само)наблюдения [3].

Основными участниками «казачьего представления» (моими респондентами) были молодые люди обо-его пола в возрасте от 18 до 30 лет из разных регионов России (Урал, Сибирь, юг России). Все они так или иначе имеют отношение к казачеству: одни считают себя казаками (потомки казаков и казаки «по духу»); другим интересно казачество, но они еще не определились, казаки они или нет (сочувствующие). Методами исследования были включенное наблюдение и биографическое интервью.

Опираясь на термины Гофмана, площадка форума «Селигер» выступает передним планом, под которым понимается *стандартный набор выразительных приемов и инструментов, намеренно или невольно выработанных индивидом в ходе исполнения*. Имеется в виду обстановка, включая мебель, декорацию, физическое расположение участников, которые составляют сценический и постановочный реквизит для протекания человеческого действия [1. С. 54]. Идеология смены была визуализирована, по территории лагеря размещены баннеры с лозунгами: «Слава Богу, что мы казаки», «Казачьему роду – нет переводу!» и т.д.

Гофман говорит о том, что обстановка довольно статична, и лишь в исключительных случаях обстановка передвигается вместе с исполнителями: в случае нашего кейса таким перемещением может выступать Крестный ход, который был инициирован и организован казаками.

Параллельно с казачьей сменой на форуме находились участники других направлений (молодые учителя и библиотекари России, лидеры молодежных и политических организаций и др.). Используя концепцию Гофмана, можно предположить, что эти «другие участники» по отношению к казакам представляли собой

публику, аудиторию, наблюдателей или соучастников. Разыгрывание «сообщества» на форуме необходимо самим казакам – они участвуют как драматурги, как актеры, как зрители и интерпретаторы.

По нашим наблюдениям, организаторы сделали упор на внешние отличия казаков от остальных участников форума, акцентируя внимание на следующих моментах:

– Самоорганизация. По словам руководителя смены, никто из участников форума (аудитории) не может похвастаться такой организованностью и сплоченностью, как казаки («Все лишь занимаются болтовней, а казаки – реальными делами»). Демонстрацией этой организованности стал казачий круг, на который были приглашены все казаки (казачки не допускаются к обсуждению): на нем были установлены правила, которые все участники смены должны были неукоснительно соблюдать.

– Обязательное участие в религиозных действиях – посещение вечерних и заутренних служб. Устанавливалось правило – всеобщая молитва перед едой.

– Внешний вид участников. Гофман, как и руководители казачьей смены, большое внимание уделяет сигналам внешнего вида, они сообщают нам также о временном ритуальном состоянии индивида: занят ли он официальной общественной деятельностью, работает или предается неофициальным развлечениям; переживает он или нет новую фазу в сезонном либо во всем жизненном цикле и т.п. [1. С. 56].

На форуме внешний вид участников казачьей смены имел огромное значение: девушки всегда должны ходить в длинных юбках, чтобы отличаться от остальной массы участников форума (казачке так ходить пристойнее). Парни должны ходить в справе (форме), если ее с собой нет или нет возможности ее надеть, они должны носить футболки со знаком казачьей смены. Руководитель смены употребил такой термин, как «брендирование», т.е. казаков сразу, издалека должно быть видно. Также демонстрация казачьего костюма, или справы, несет за собой необходимость соблюдения определенных правил поведения.

Не все молодые казаки одобряют концепцию «брендирования», видя в ней опасность для имиджа казачества.

«Вот мне еще не нравится, бренд казачества, это становится брендом, это становится популярным, вот это мне больше всего не нравится, это выводит просто. В Москве я где-то слышал, что сделали казачье такси, т.е. собираются брать казаков и такси, что это будет – я вот этого вообще не понял, мне кажется так же насобирают народ, припишут их к казакам и будут они, типа, казаки, мне кажется это так произойдет, но я точно не знаю. Но мы вот в частности, как рассказал коллега мой, занимаемся именно с детьми» (М., 22 года; здесь и далее в цитатах информантов авторские орфография и пунктуация сохранены).

«Исполняя» казачество для других, для самих себя у казаков нет однозначных представлений о границах своего сообщества. В частности, одна из тем для раздора – вопрос об «истинном казаке». В современном казачьем сообществе существует категория «ряженные». Организаторы яростно осуждали «ряженных», противопоставляя себя им, т.е., по мнению респондентов, есть настоящие, истинные казаки, а есть «ряженные», которые не имеют отношения к «настоящему» казачеству.

«Кто такой современный казак? Вопрос сложный. Потому что видел я людей разных, видел тех, кто служит в реестре, видел тех, кто наряжается казачком, вешает на себя ордена предков и считает, что это правильно их носить. Я с этой точкой не согласен кардинально. В общем, однозначно сказать, кто такой современный казак, трудно, они очень из крайности в крайность, либо сказать, что это реестровое, которое служит отечеству, за спасибо, многим денег за это не платят, или это ряженные которые разгуливают по улицам, увешанные орденами, ни за что полученными. Есть те, кто старается поддержать традицию казачью. Я думаю, что время покажет, и современного казака мы еще увидим. В настоящий момент казачество только начало возрождаться» (М., 26 лет).

Ряженные в понимании казаков представляют фальшивый передний план исполнения, они притворяются и обманывают аудиторию, в их «исполнении» есть расхождение между видимостью и реальностью. «Ряженные» ставят себя в опасное положение, поскольку в любой момент спектакля может случиться событие, грубо противоречащее тому, что ими открыто заявлено, на котором их поймают, и, как следствие, их ждет наказание и открытое порицание [Там же. С. 92].

По словам организаторов смены, на «Селигере» ряженных нет, но всем молодым казакам стоит быть осторожными: существует опасность, что партнер по команде может оказаться обманщиком или мошенником; в нашем случае если не имеющий на то право человек называл себя казаком, он не был полноправным ответственным носителем соответствующего статуса. Упомянутая категория «команды» является важной в работах И. Гофмана.

Все участники казачьей смены были поделены на «двадцатки», которые олицетворяли собой некую модель казачьей «команды». В «двадцатках», состоявших из делегатов разных регионов России (в одной из которых находилась я), каждый участник команды был вынужден полагаться на доброжелательное поведение своих соратников, а они, в свою очередь, вынуждены полагаться на него. Волей-неволей между участниками установилась взаимозависимость, соединяющая друг с другом членов команды [Там же. С. 118].

Из уст организаторов часто можно было услышать, что в казачество необходимо посвящать людей, создавать положительный имидж казака, с другой стороны, современ-

ное казачество – это замкнутая структура, казакам трудно общаться между собой. Казачество разобщено, неоднородно, внутри много разногласий; это связано с разделением на казаков реестровых (состоят на государственной службе) и казаков из общественных организаций.

«Для тех, кто давно живет и занимается казачеством это очень больной вопрос. Мы в регионе это прожили, прошли, мы живем в этой проблеме. Как к ней можно относиться, если у меня есть братья, ну вот они общественники, я реестровый казак, может так случиться, что сниму я погоны и буду ходить вот так в справе, буду общественным казаком, это нельзя разделять, и неоднократно я всем братьям говорил эту позицию, что в районе должно быть одно станичное казачье общество, все и общественники и реестровые, должен быть один атаман, его все выбрали, ему все подчиняются, но это должен быть человек занимающийся реестровой службой, ему должны подчиняться казаки реестровые, те кто на государственной службе, они выполняют определенные функции. Так я отношусь к этому негативно, мы не должны ругаться, нас и так мало, нам нужно объединяться, наоборот, и знать из казачества тех, кто пытается популяризировать себя или свой бизнес» (М., 26 лет).

По утверждению Гофмана, публичные разногласия среди членов команды не только лишают их способности к единству действий, но и осложняют определение реальности, поддерживаемое командой. Таким образом, можно предположить, что стать единой командой молодым казакам мешают разногласия о реестровом и общественном казачестве [1. С. 121].

Если предположить, что все казаки на смене – это одна команда, а все остальные участники форума – другая команда, то их взаимодействие можно толковать как *диалог между командами*; удобно называть одну команду исполнителями, а другую – наблюдателями или аудиторией, на время пренебрегая тем, что эта аудитория тоже будет находиться в этот момент в процессе представления своего командного исполнения [Там же. С. 128].

Еще одной важной категорией в работах Гофмана является *зона заднего плана*. На «Селигере» этой зоной являлась внутренняя жизнь казачьих лагерей, взаимоотношения внутри двадцаток, обсуждения насущных проблем казачества. Естественно, проблемы и разногласия, которые есть внутри казачества, не показываются и обсуждаются внутри сообщества, при этом аудитории демонстрируется мнимое единство, поскольку каждая команда занимается поддержанием стабильности каких-то ситуаций, скрывает или смягчает для этого определенные факты.

Необходимо обратить внимание на то, что зона заднего плана скрывает жизненно важные секреты спектакля, там же исполнители позволяют себе временно выходить из роли, а аудитории видеть это не обязательно. Например, на казачьей смене участников обучали казачьим песням, пляске, боевым искусствам,

многие участники с удовольствием демонстрировали свои знания традиционной культуры вне своих «двадцаток». Но часто можно было наблюдать, как участники казачьей смены выключались из исполнения. Пример: я предложила вечером в свободное время, сидя у костра, попеть казачьи песни, на что участники смены сказали: «Давайте отдохнем», – и начали петь что-то из популярной музыки 90-х. Получается, молодые казаки устали от исполнения и, находясь за кулисами, решают отдохнуть от него.

Гофман отводит большую роль в «исполнении» распорядителю, в свою очередь, он направляет и контролирует ход драматического действия. На «Селигере» распорядителем являлся «главный казак» – организатор, который контролировал всю работу смены, устанавливал правила, проводил агитационные беседы и в целом представлял собой некий образец для подражания. На распорядителя могут возложить обязанность корректировать любого члена команды, чье исполнение становится не соответствующим к обстановке. В этих целях обычно используются исправительные процедуры успокоения и наказания [Там же. С. 134]. «Главный казак» разбирался с нарушителями и наказывал их.

Стоит заметить, что в нашей «двадцатке» был избран походный атаман, который, наподобие «главного», исполнял роль распорядителя, решая проблемы в рамках нашей небольшой команды.

Рассматривая казачью смену на форуме «Селигер», применяя концепцию социальной драматургии И. Гофмана, мы увидели, что она являлась площадкой для «исполнения» и самопрезентации казачьего сообщества.

Таким образом, можно прийти к выводу, что присутствуют две тенденции в дискурсе о казачестве:

- навязываемое сверху «мы» (казаки едины, они патриоты страны; в этом смысле организаторы казачьей смены выполняют и общий государственный заказ, понимая «патриотизм» определенным образом), которое «исполняется» на публике;

- сложный процесс самоопределения и конструирования мы-идентичности казаков, «идущий на местах», как внутри сообщества, так и на уровне каждого отдельного члена. Многие респонденты считают, что главной задачей казачества должно быть воспитание молодого поколения, именно это решит многие проблемы и противоречия в казачьем сообществе. Казачья «молодежь» считает, что необходимо адаптировать функции казаков под современные реалии, в частности они ссылаются на законодательство, в котором прописаны функции современного казачества.

Это выражается также и в трансформации гендерных ролей в казачьем сообществе, в котором казачки занимаются творческой деятельностью, участвуют в организации культурных мероприятий, вечеров, поют в фольклорных ансамблях, занимаются восстановлением и сохранением казачьих традиций. Но есть случаи, когда казачки ощущают потребность в равноправии, желают быть наравне с мужчинами-казаками, несут службу и участву-

ют в казачьих кругах. На форуме «Селигер» такое поведение осуждалось и считалось неприемлемым.

На мой взгляд, несмотря на внутренние противоречия и сложности, казачество остается привлекатель-

ным, все больше молодых людей интересуются казачьей культурой, которая в современном ее варианте пропитана патриотизмом и желанием привнести в настоящее все лучшее, что было в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
2. Вахштайн В.С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // СОЦИС. 2003. Т. 3, № 4. С. 104–118.
3. Байфорд Э. Разыгрывая «сообщество»: русскоязычные мигранты современной Британии // Новое литературное обозрение. 2014. № 3 (127). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/24b.html>, свободный (дата обращения: 06.01.2015).

Koshkareva Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polligi@yandex.ru

“TO BE OR NOT TO BE A COSSACK?”: THE COSSACKS AT THE SELIGER FORUM THROUGH THE PRISM OF ERVING GOFFMAN’S SOCIAL DRAMATURGY.

Keywords: Cossacks; social drama; performance; identity.

The paper explores the phenomenon of modern Cossacks through the concept of Erving Goffman’s social dramaturgy. Here, the Cossacks’ presence at the Seliger forum is taken as a case study. The author herself took part in the forum in summer of 2014 using the methods of participant observation and biographical interviews. ‘Performance’ is used here as a key analytical category. Based on Goffman’s terms, the Seliger forum is considered a “front stage” and serves as the prime base for a standard set of expressive techniques and tools, developed intentionally or unintentionally by an individual in the course of a performance. The Cossack ideology was visualized via banners placed around the camp, with slogans, if translated, roughly reading the following: ‘Thank God that we are Cossacks’, ‘The Cossack race is endless!’, etc. The Cossacks attach great importance to a proper dress code: girls had to walk around at the forum wearing long skirts (that is the Cossack idea of a decent dress code) in order to visually differ from the rest of the forum participants. Boys had to wear ‘sprava’ (the Cossack uniform), if they had it. Otherwise, they would have to wear T-shirts with the Cossack distinguishing sign on them. It is noteworthy that the leader of the group used the term ‘branding’ then to highlight the importance of adhering to the dress code in order to help distinguish the Cossack youth from other people at the forum. Furthermore, this dress code suggests Cossack girls and boys follow and respect certain rules of conduct. Another important category in Goffman’s work is that of a ‘back stage’. The inner life of Cossack camps, the relationship within Cossack groups – the so-called ‘dvadsatki’ – discussions of pressing issues of the Cossacks are all part of this category. Naturally, the problems and differences that exist among the Cossacks are not shown to outsiders, and are discussed within the community only, with an imaginary unity being demonstrated by them to everyone else. As every Cossack group tries to maintain the coherence in viewing the situation, to that end, they hide or mitigate certain facts. While there is the ‘performance’ of being Cossacks intended for others, among themselves the Cossacks do not have a clear idea of where the boundaries of their community lie. Therefore, the important question of authenticity arises that is the question of being a ‘true Cossack’. In conclusion, there are two trends being observed in the discourse about the Cossacks: 1) ‘we’-identity imposed top-down and ‘performed’ in public, and 2) the construction of ‘we’- identity ‘on the ground’, within the community, by each of its members individually.

REFERENCES

1. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Self-presentation in everyday life]. Translated from English by A.D. Kovalev. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole.
2. Vakhstein, V.S. (2003) *Dramaturgicheskaya teoriya Irvinga Gofmana: dva prochteniya* [Dramatic theory of Irving Goffman, two reading]. *SOTSIS – Sociological Studies*. 3(4). pp. 104–118.
3. Byford, E. (2014) *Razygryvaya “soobshchestvo”*: russkoyazychnye migranty sovremennoy Britanii [Playing off the “community”: Russian-speaking migrants in modern Britain]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3(127). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/24b.html>. (Accessed: 6th January 2015).